

18+

Владимир
Горбунов

Не
дрейфь,
борода!

Владимир Анатольевич Горбунов

Не дрейфь, борода!

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=49788846

ISBN 9785005069092

Аннотация

Мы родом из... Школа, уроки, одноклассники, учителя и поступки, после которых уже нельзя оставаться прежним. Третьеклассница Лена Фролова и молодой директор школы Александр Петрович, студент Анджей Пшибышевский и учитель английского, отправленный в рыбачий поселок по распределению, – все они встают перед выбором и совершают поступки. Именно в этих поступках и раскрывается человеческая сущность героев.

Содержание

Не дрейфь, борода!	5
Закон природы	14
И шуба норковая в пол	28
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Не дрейфь, борода!

Владимир Анатольевич Горбунов

Валерий Бочков (The VAL BOCHKOV Studio) *Дизайн об-
ложки*

Алексей Леснянский *Корректор*

© Владимир Анатольевич Горбунов, 2020

ISBN 978-5-0050-6909-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Не дрейфь, борода!

– Знаешь, что я в тебе люблю? – спросила жена.

– Что? – поинтересовался я.

– Чувство юмора.

«Издевается, – подумал я. – Что-что, а юмора отродясь не было».

Вот и теперь, когда я сообщил, что меня переводят из резерва директоров школ в самые настоящие директора, жена восприняла новость как шутку. Или розыгрыш. Или даже издевку.

Дело в том, что я «безответственный, неорганизованный, непрактичный, нехваткий, непредприимчивый» и так далее и тому подобное. Жена всегда удивлялась, как я до сих пор учителем работаю. Впрочем, я и сам этому удивляюсь.

Прошлой осенью поручили подготовить детвору к олимпиаде. И не просто к абы какой, а республиканской. Ехать предполагалось в другой конец страны, точнее, за девятьсот восемьдесят семь километров и уж не помню сколько метров. И что вы думаете? Подготовить я с грехом пополам их подготовил, но день отъезда перепутал и остался с билетами дома, а мои олимпийцы, не дождавшись руководителя, сели в поезд и отправились самостоятельно.

Умирая от ужаса, представляя, что может случиться с детьми в дороге, стыдясь собственной непутевости и неми-

нуемого возмездия, я бросился вдогонку. Потратил уйму денег на самолет и такси, однако поезд перехватил и со своей командой воссоединился.

Что тут началось! Я думал, родители и начальство сожрут меня, даже не поперчив. Два месяца обсуждали мои гонки, словно это был не я, а Индиана Джонс. А между тем могли бы вспомнить и олимпиаду, ведь команда взяла два первых и одно второе место. «Повезло», – объяснили мне и посоветовали не обольщаться.

Больше от города я на соревнования никого не возил, считали, что для серьезных мероприятий экстрим неуместен. Впрочем, призовых мест по моему предмету город с той злополучной олимпиады тоже не занимал, однако это никоим образом с моим отсутствием не связывали. Было слегка обидно, но пришлось проглотить.

Я и в резерв директоров попал случайно. Не хотел. Ну какой из меня директор?

Куда там! Списки формировали по половому признаку. Мужиков в школах нет, а видимость перед райкомом партии создать надо. Мы ведь тогда жили в стране развитого социализма, и директора школ назначались на должность не просто так, а через утверждение в райкоме партии, коммунистической и единственной на тот момент.

Короче, когда прежняя заведующая увидела мое имя среди резервистов, она захохотала и сказала, что у ее зама отличное чувство юмора.

Дело в том, что я ко всему прочему еще и статейки в местную газетку пописывал. Безусловно, критические и все больше о школе, детворе, учителях да чиновниках от образования. Я про другое не очень знаю.

В РОНО мои художества называли идеалистическим бредом, полностью оторванным от реалий сегодняшней жизни и представляющим школы района в совершенно невыгодном свете перед «вышестоящими организациями». Так и писали в опровержениях.¹

Заведующая с трудом меня выносила, но ее зам только посмеивалась и утверждала, что мои статьи делают району рекламу и показывают, что мы живем полноценной жизнью и видим не только наши достижения, но и то, над чем следует работать.

Может быть, поэтому на городском собрании учителей перед началом прошлого учебного года статейки мои были отмечены как передовой опыт.

Заведующая районными школами скривилась, однако список резерва подписала.

И вот настало время, когда она отправилась на покой в институт усовершенствования учителей, а вместо себя оставила моложавую и прогрессивную заместительницу.

Тут мне и предложили школу, из которой сбежал очередной директор. Школка была небольшая и старая. Ученики шпанистые и все как на подбор из семей докеров и работниц

---

¹ Районный отдел народного образования.

консервного завода. Учителя злющие, не одного директора схарчившие. Отопительная система гнилая. На трубах хомут висел на хомуте. Крыша рубероидная и текущая сразу в пятнадцати местах. Короче, не школа – подарок. И номер у нее ко всему прочему был 13.

Я, недолго подумав, согласился, поскольку к тому времени обзавелся кучей идей, которым сам Томас Мор мог бы позавидовать. Плюс жена заплила из-за мизерной зарплаты и отсутствия амбиций.

И вот назначили мне время, чтобы явиться на утверждение ко второму секретарю райкома.

Я идти не хотел. Боялся и не любил всех этих кабинетов с двухтумбовыми столами, похожими на носорогов; терпеть не мог строгих мужчин и женщин в серых костюмах, умевших говорить словами из Устава и Программы партии, да и сами казенные здания райкомов и горкомов, крепкие, как артиллерийские казематы, не переносил. Но делать было нечего.

Дома не сказал ни слова, решив сообщить после окончательного утверждения. Только попросил заштопать протертый локоть на старом костюме и купить для солидности шляпу. Жена удивилась, но шляпу купила.

В назначенный день новая заведующая РОНО, взяв меня под руку, привела прямиком в райком на утверждение. Оставила дожидаться в приемной, а сама отправилась в кабинет ко второму секретарю партии, где происходило утверждение

кандидатов на директорские должности.

Вторым секретарем была Галина Семеновна Пархоменко, крупная дама с выдающимися формами, туго обтянутыми деловым костюмом. Она всегда носила одну и ту же прическу-раковину и строго смотрела на всех, стоявших ниже по должности, а поскольку роста Галина Семеновна была немало, то глядеть свысока могла на многих.

Кроме всего прочего, она попала в райком партии из городской хлебопекарни, а потому очень гордилась пролетарским происхождением и резала правду-матку в глаза. Галина Семеновна обожала ставить в тупик директоров школ и даже заведующую РОНО, спрашивая по-простецки и в лоб: «Так шо ж вы с детьми робити будете?»

В приемной, кроме меня, находились еще двое кандидатов. Впрочем, не совсем кандидатов, а вполне без пяти минут директоров, поскольку одна, жена начальника городского водоканала, и другая, бойкая, крепко сбитая и стриженная под Ирину Роднину, числились на хорошем счету и были исполняющими обязанности директоров во вверенных им школах.

Обе деловито разговаривали, закинув ногу на ногу, но, увидев меня, замолкли, кивнули вместо приветствия и переглянулись, слегка закатив глаза.

Не найдя для себя стула, я принялся расхаживать взад и вперед по приемной и теребить короткую бородку, которую отрастил незадолго до этого. Мне казалось, что она де-

лает меня солиднее, а кроме того, тешился иллюзиями, что с бородой я похож на Стейнбека.

По радио шла прямая трансляция с I Съезда народных депутатов СССР. Выступал некто Червонопиский. Секретарша мгновенно прекратила стучать на пишущей машинке и прибавила звук.

– Три слова, за которые, я считаю, всем миром нам надо бороться. Это: Держава, Родина, Коммунизм, – отчеканил депутат, взорвав зал овациями.

Секретарша улыбнулась. Кандидатки в директора дружно закивали, а я неловко поежился.

Ответное слово взял академик Сахаров.

Секретарша хмыкнула, убавила громкость и снова застучала на пишущей машинке. Кандидатки продолжили разговор друг с другом, а я, сколько ни прислушивался, ничего из вялого выступления академика разобрать не смог.

Обеих исполняющих обязанности вызвали первыми и надолго не задержали. Они вышли из кабинета довольные, кивнули мне на прощание и, не пожелав удачи, удалились.

– Заходите, – сказала секретарша, показывая на обитую коричневой кожей дверь, – Галина Семеновна ждет.

Я громко выдохнул и шагнул в кабинет.

За столом, массивным, обшитым, точно в бильярдной, зеленым сукном, восседала Галина Семеновна Пархоменко. Она в упор уставилась на меня, и острый взгляд ее напоминал иглу, которой прикалывают кузнечиков к картонке гер-

бария, чтобы рассмотреть повнимательнее.

Заведующая РОНО, притулившись на краешке стула, открыла папку и принялась зачитывать характеристику.

– К чему борода? – перебила ее Галина Семеновна. – Верующий или как?

На мгновение в кабинете наступила тишина. Из-за неплотно прикрытой двери слышался стрекот пишущей машинки и скрежет передвигаемой после каждой строки каретки.

– Понимаете, – откликнулась заведующая РОНО, – он серьезно занимается журналистикой и...

– Значит, ненадолго к нам, – опять перебила Галина Семеновна.

– Почему же, – вмешался я. – У меня есть идеи, на воплощение которых потребуются годы.

– Идеи? – Галина Семеновна подозрительно изучала мою бороду. – Был тут один с идеями и... бородой.

Заведующая РОНО тяжело вздохнула.

Речь шла об историке, моем, кстати, приятеле, которого, став директором, я бы обязательно перетянул к себе в школу. Он был отменным специалистом, однако, придя к Богу, публично усомнился в абсолютности дарвиновской теории эволюции. Скандал для нашего города поднялся невероятный.

– Так что с бородой? – вернулась к прежнему вопросу Галина Семеновна.

Я невольно поднял руку и провел ладонью по жестким

волоскам на щеках и подбородке. Потом бросил длинный взгляд поверх прически-раковины второго секретаря на стену.

Оттуда на меня глядели бородачи Маркс, Энгельс и Ленин. Глядели по-разному, но все пытливо и неотрывно.

Маркс, насупивший брови, однозначно сердился. Может, голова у него гудела после загула, а может, узнал, что Джени, верная жена, беременна пятым ребенком и весь его табор теперь никак не поместится в двухкомнатной квартирушке на Дин-Стрит. Впрочем, он мог расстроиться из-за паршивки Элен Дермут. Совсем ведь еще девчонка несовершеннолетняя, а оставить под порогом новорожденного ума хватило. Элен, Элен... Хорошо, есть Фридрих, который все проблемы мог уладить.

– Вы понимаете, – Галина Семеновна терзала взглядом мою бороду, – что директор – это рупор партии в школе?

– Понимаю, – кивнул я и украдкой посмотрел на Энгельса.

В отличие от Марксовой, его борода была аккуратно пострижена и манишкой уложена на груди, волосок к волоску. Смотрел он внимательно, но казался скорее усталым, чем сердитым. Еще бы! При таком разгульном друге разве не утомишься? А еще фабрика, с которой надо управляться, ведь работягам нечего терять, кроме своих цепей.

– Воспитывать юных ленинцев, – набирала обороты Галина Семеновна, – строителей коммунизма и продолжателей великого дела.

Ильич ухмыльнулся со стены, видал, мол, как тетка заворачивает, а потом лукаво подмигнул:

– Не дрейфь, борода!

Поймав направление моего взгляда, Галина Семеновна обернулась и воззрилась на висящие за спиной портреты.

В глазах заведующей РОНО блеснули озорные чертики. Она прикусила нижнюю губу, чтобы не прыснуть от смеха, и тайком показала мне поднятый большой палец.

Тем временем я еще раз прошелся по колючей бородке, а Галина Семеновна, глянув на меня, распорядилась:

– Принимайте школу.

Закрывая за собой дверь, я услышал, как она спросила зав. РОНО:

– У тебя все такие? Острижки?

Шел май 1989 года. Я шагал домой с гордо поднятой бородой, и жизнь казалась мне полной прелести и надежд.

Закон природы

– Все! – мамин крик, словно свист плетки, рассек утреннюю тишину. – С меня достаточно!

Вадик испуганно открыл глаза, соскочил с постели. В спальне никого не было. Крики доносились из кухни, и Вадик зашлепал туда босыми ногами.

В кухне, около плиты, жалобно повизгивал Цезарь. Он упирался толстыми лапами в пол, крутил головой, пытаясь вырвать загривок из цепких отцовских пальцев.

– Нельзя! Нельзя! – повторял отец, крепко держа щенка за шкуру и тыча носом в коричневую кашку на полу. – Нельзя!

Мама стояла над ними, уперев руки в бока и раздувая ноздри.

– Это форменное издевательство! – все больше и больше распалялась она. – Над животным и над нами!

– Мама! – крикнул с порога Вадик. – Он больше не будет! Не будет! Никогда!

Мама глянула на Вадика.

– Немедленно в постель, – решительно сказала она. – Пол холодный!

– Мама, – не слушал ее Вадик. – Я его приучу. В коробку с песком.

Мама тревожно ловила сухие, свистящие вдохи сына.

– Замолчи немедленно! – она протянула к нему руки. – Где ингалятор?

Через час, когда приступ удушья закончился, Вадик, обложенный подушками, лежал в кровати и, прикрыв глаза, осторожно втягивал вкусный легкий воздух. Голова плыла, тело казалось хрупким и невесомым, на губах запеклись остатки горького «Беротекса». В прозрачном полусне Вадик чувствовал на лице струйку весеннего сквозняка, слышал, как барабанили по карнизу капли с тающих сосулек, чирикали возбужденные воробьи. Он улыбался бледными искусственными губами и думал о лете, о каникулах, о теплом море и беготне с Цезарем по пляжу. Ведь доктор сказал, что йодистый воздух да морские купания – и приступов как не бывало. Скорее бы лето!

Дверь в спальню скрипнула. Вадик услышал мягкие шаги мамы. Она дотронулась прохладной рукой до его лба, закрыла форточку, поправила подушку и, постояв чуток, вышла.

– Кажется, уснул, – сказала она отцу.

Вадик открыл глаза. Он слышал, как позвякивали на кухне чашки, шелкнул тостер, выбрасывая хлебец, хлопнула дверца холодильника.

– Передай мне масло, – сказал папа.

Часы пробили восемь.

– Все. Убегаю. Ты сегодня работаешь?

– Нет, – ответила мама. – Не хочу его одного оставлять.

Вдруг опять...

В дверь просунулась голова Цезаря. После утренней выволочки он опасливо озирался, но, увидев Вадика, улыбнулся глазами и неуклюже припустил к нему. Щенок, помахивая хвостом и повизгивая от радости, забросил лапы на кровать, потянулся к руке и лизнул ее шершавым языком.

– С псом надо решать, – сказала на кухне мама. – Либо он, либо я.

– Дорогая, зачем драматизировать, – начал было отец, но мама его перебила: – Я больше об этом слышать не желаю. Ты разве не видишь, что с ребенком делается? Какая собака?

Наступило лето, и Вадик на все каникулы уехал к бабушке на море. С мамой. А через год отправился еще раз. Теперь один. И будущим летом тоже поедет, ведь доктор оказался прав: йодистый воздух, купания в теплом море, босоногие прогулки по песчаным пляжам сделали свое дело. Почти никаких приступов. Лишь изредка.

А вот Цезаря у него больше не было. Только ошейник остался.

Однажды утром Вадик проснулся и не нашел щенка дома. Все понял, но не плакал. Не кричал. Не требовал. Только сжимал упрямо губы и обещал, что придет время и Цезарь вернется. Повторял, что они обязательно встретятся и уже никогда, никогда не расстанутся.

Мама, чтобы не расстраивать, кивала головой, а отец успокаивал. Даже обещал, что, как только Вадик окончательно поправится и перейдет, скажем, класс в шестой, они с ма-

мой обязательно купят ему щенка. Другого. Еще лучше и породистее.

Только Вадику не нужна была другая собака. Он хотел Цезаря. Толстолапого, неуклюжего, с войлочной шерстью и улыбающимися глазами.

Во дворе ему не верили.

– Где ты его найдешь? – логично спрашивал толстяк Фила, предлагая обменять оставшийся ошейник на трех оловянных солдатиков. – Новые хозяева давным-давно переехали. И Цезаря твоего увезли.

– Очень даже найду, – упорствовал Вадик и даже пошел к тете Маше из третьего подъезда, той самой, у которой сын служил в милиции, и которому отец отдал Цезаря. Пошел, чтобы спросить, где теперь живет ее сын-милиционер. Чтобы поехать и увидеть свою собаку. Потому что Цезарь был его другом. Самым первым и самым настоящим.

Тетя Маша, узнав, зачем он явился, захлопнула перед ним дверь, а вечером пожаловалась родителям. Мама тогда сказала, что ей и отцу придется серьезно поговорить с Вадиком. И поговорили. Да так, что после этого разговора Вадик почувствовал себя совсем одиноким. Даже больше, чем когда сидел в сторонке, наблюдая, как дворовые мальчишки гоняют в хоккей. Даже больше, чем когда узнал, что толстому Филе купили на день рождения щенка колли. После он специально пришел к Вадику и предложил обменять книжку о дрессировке служебных собак. Вадику-то она все равно

не нужна, а Филя бы дрессировал свою Лесси.

Вадик научился ждать, и однажды его день пришел.

Как-то на перемене перед математикой Филя, давясь словами от нетерпения, сообщил Вадиду, что знает, где теперь Цезарь.

– Где?! – выпалил Вадик.

– Ха, – расплылся в улыбочке Филя, – так я тебе и сказал.

– Ну, пожалуйста, – взмолился Вадик, – скажи.

– А что я буду иметь?

Вадиду захотелось ткнуть Филю кулаком в упругую конопатую щеку, но вместо этого он сказал:

– Все что хочешь. Танк, например, КВ-1. Гэдээровская модель. Я ее в прошлом месяце клеил.

– Пластмассовая? С резиновыми гусеницами?

– Ага, – подтвердил Вадик, – отец из командировки привез. У нас таких не купишь.

– Э-э, – Филя почесал лоснящийся подбородок, – нет. Я теперь филателист. Мне марки нужны.

– Какие? – упавшим голосом спросил Вадик. У его отца было четыре толстенных кляссера, и они с Филей, время от времени захаживавшим к нему в гости, потихоньку рассматривали их, когда отца не было дома.

– А вон тот блок Бурунди, помнишь? Со слонами.

– Марки отцовские, – опустил голову Вадик. – Возьми танк. Его можно обменять.

– Ладно, – хлопнул поникшего Вадика по плечу Филя. –

Скажу как другу. Гони танк.

Получив танк, Филя рассказал, что, выгуливая Лесси, он заметил милицейский уазик, кативший к дачам – так у них называли огородный кооператив в балке.

Так вот, рассказал Филя, в уазике, рядом с водителем, сидела тетка Машка. Она недавно купила участок в балке и очень боялась, что летом его «обнесет» шпана, а зимой все поворуют бродяги. На заднем сидении Филя увидел собаку. Настоящую овчарку. Немецкую. Точь-в-точь как Цезарь. Шерсть рыжая, подпалины черные.

Филя погулял еще чуть-чуть и дождался, когда уазик поехал назад. Никакой собаки в нем уже не было.

– Как же эту дачу найти? – нетерпеливо спросил Вадик. – Их там, наверное, целых сто.

– Может, и больше, – согласился Филя и тут же заговорщически подмигнул. – Только это не проблема. Ее дача через три участка от нашей.

– А где ваша?

– Так я тебе и сказал, – ухмыльнулся Филя.

– Хочешь ковбоев, – предложил Вадик, – из французского набора?

Идти на встречу с Цезарем решили на следующий день, сразу после школы. Дома Вадик объявил, что отправится в степь вместе с Филей выгуливать его колли. Мама вначале даже слышать об этом не хотела. Вадик недавно болел, а в степи, где они собрались гулять, мог быть ветер. Вадик

надулся, отец укоризненно посмотрел на маму, и она сдалась, но только при условии, что Вадик наденет стеганое пальто, лыжную шапку и шерстяные носки.

На дачах было совсем не так, как в городе. Пахучий апрельский ветерок шуршал по обочинам прошлогодней травой. Прилетевшие скворцы перекрикивались друг с другом и устраивали гнезда. За реденькими разномастными заборами виднелись пушистые абрикосы и персики в розовых, точно бумажных, цветах. На разбитой проселочной дороге поблескивали зеленовато-коричневые лужи. В них отражались по-весеннему высокое небо и облака, игравшие в догонялки.

– Ты Цезаря отвяжи, – наставлял Вадика Филя, – и пойдем погуляем все вместе.

– А поводок?

– Взял.

Он вытащил из кармана скрученный змейкой брезентовый поводок со стальным карабином.

– Тебе это будет стоить планера, который вы с отцом делали.

– Хорошо, – согласился Вадик.

Филя растянул поводок и, точно проверяя его на прочность, дернул изо всех сил в разные стороны.

– Нашей купили, – кивнул он на ухоженную, с белой манишкой, колли, – на вырост.

– Ага.

– Может, подружатся, – мечтал Филя, – тогда каждый день

будем его потихонечку забирать.

– Точно!

– Не все же время собаке на цепи сидеть. Ты колбасу взял?

– Нет, – ответил Вадик, – он меня и так признает. У нас позывной с ним был. Секретный.

– Да ну... – остановился Филя и недоверчиво посмотрел на Вадика.

– Сто пудов. Бывало, играем в прятки, я на антресоли залезу и смотрю на него сверху. Он туда-сюда. Взвизгивает от досады. Найти не может.

– А ты?

– А я ничего не говорю, только... – Вадик поднял голову, вытянул шею и трелью зацокал языком, точно синица зимой.

– Ну и?

– Сразу находил. Я и потом его так подзывал. Ночью. Чтоб спать вместе.

– А мать?

– Ругалась, когда утром заставала.

– Ну, как знаешь, – сказал Филя, – только, по мне, два кусочка колбасы – вернее.

Он скептически посмотрел на колли, которая при слове «колбаса» прижала уши и подхалимски закрутила хвостом.

– Собаки, – возразил Вадик, – своих помнят всю жизнь без всякой колбасы.

Нужную дачу нашли быстро. На калитке висел тяжелый замок. Сквозь штакетины виднелись грядки, пухлые, словно

взбитые перины. То там, то сям на них проклевывались изумрудные луковые стрелки и чахлые стебельки желтых нарциссов. Между грядками, в широких приствольных кругах, красовались щеголевато выбеленными стволами персики. В глубине дачи, прямо на узкой бетонной дорожке у самого домика, спала крупная овчарка, положив морду на крепкие длинные лапы.

– Похож? – спросил Филя, когда Вадик, прильнув к заборной щели, разглядывал собаку.

– Не знаю, – ответил Вадик. – Далеко. Не разберу.

– Надо поближе подойти.

– Надо, – согласился Вадик. – На груди Цезаря треугольники были. Рыжие. Но не одинаковые, как у всех, а разные. Так что не спутать.

Филя кивнул. Он тоже бы узнал свою колли из сотни других, будь они трижды все черными и белогрудыми.

Точно прочитав его мысли и увидев спящую вдали собаку, колли весело тявкнула.

Овчарка открыла глаза и, подняв голову, наострила уши.

– Калитку не открыть, – сказал Филя, подергав увесистый замок. – Вон какую дуру присобачили.

– И что теперь? – заволновался Вадик.

– Щас, – успокоил его Филя, – придумаем.

Он оценивающе осмотрел штакетник у калитки. Осторожно раздвинул хлысты ежевики, впившиеся колючками в забор. Покачал одну доску, потом другую.

– Старый, – сказал он. – Весь сгнил.

Филя принялся раскачивать почерневшую от сырости доску. Ржавый гвоздь, которым штакетина была прихвачена сверху, закрипел и обломился у самой шляпки.

По бетонной дорожке зазвенела цепь. Вскочивший на ноги пес сделал несколько шагов, напряг мускулистое тело и замер, тревожно вглядываясь в заросли ежевики.

– Глянь, – прошептал Филя, – треугольники-то разные.

– Цезарь! Цезарь! – закричал из-за забора Вадик и замал руками. – Это я, Вадик!

Цезарь шагнул вперед и снова замер.

– погоди, – остановил приятеля Филя. – Сейчас ближе подойдешь.

Он всем телом налег на подорванную доску. Она взвизгнула, упираясь, но поддалась и со стоном оторвалась от забора.

– Готово! – обрадовался Филя. – Лезь!

Вадик сунулся в дырку, но щель оказалась такой узкой, что, протиснув плечо, он в ней застрял. Филя подталкивал сзади, но это не помогало.

Цезарь, увидев лезущую сквозь забор фигуру, натянул цепь. Потом, громяя ею, отбежал назад к будке, вернулся и прильнул к земле, поджав напряженные, точно упругие пружины, задние лапы и вытянув морду.

– Пальто сними, – посоветовал Филя. – Не пролезешь.

Вадик выдернул себя из дыры и принялся дрожащими

пальцами расстегивать пальто.

– Это Цезарь! – повторял он, борясь с тугими петлями и слишком большими пуговицами. – Сто процентов!

Без верхней одежды протиснуться в щель оказалось намного легче, и через секунду Вадик уже стоял на той стороне.

– Надень, – Филя просунул в дырку стеганое пальто. – Заболеешь!

Вадик наспех попал в рукава и, не застегиваясь, двинулся по грядкам к Цезарю.

– Поводок! – закричал из-за забора Филя. – Поводок за был!

Он бросил в дырку поводок.

Земля, влажная и мягкая, калошами налипала на подошвы ботинок. Вадик осторожно, чтобы не раздавить проклюнувшиеся луковые перышки, пробрался к бетонной дорожке.

– Цезарь, милый, наконец-то, – радовался он.

Хвост овчарки замер, и только кончик, слегка присыпанный сединой, судорожно подергивался. Уши наострились. Тело напряглось. Глаза, желтые, неподвижные, держали Вадика на прицеле.

– Ты меня помнишь? Я Вадик... Тот самый... Твой...

Вадик присел на корточки перед овчаркой и зацокал языком. Собака не сводила с него глаз. Ее черные, натянутые над верхними клыками губы вздрагивали.

– Помнишь? Теперь каждый день... Правда... Вместе...

Никакой цепи...

Собака простуженно зарычала. Мускулы на плечах напрыглись. Блеснули желтые клыки.

– Знаешь, в степи так здорово! Трава, ветер, лужи...

Словно разжавшаяся вдруг пружина, овчарка рывком бросилась на Вадика.

– Цезарь! Цезарь! Это я! – в ужасе закричал он.

Собака ударила его грудью, и Вадик неуклюже завалился на бок, прикрывая голову руками.

– Не надо! – срывающимся голосом завизжал он. – Не надо!

Овчарка вцепилась в плечо его толстого пальто и, злобно рыча, валяла Вадика из стороны в сторону.

– Тикай! – кричал из дырки Филя. – Порвет!

Взбудораженная колли визгливо лаяла, не решаясь броситься на помощь.

Выдернув руку из рукава, Вадик катнулся по земле и выбрался из пальто. Овчарка, брызгая слюной, бросилась на него.

– А-а-а!!! – упал на спину Вадик, увидев взлетевшее в воздух тело собаки, ее обнаженные клыки и ненавидящие глаза. – А-а-а!!! – кричал он, судорожно перебирая каблуками и отползая в сторону забора.

Цепь натянулась, спружинила и резиновым жгутом рванула собаку назад.

– Тикай! Тикай! – кричал из-за забора Филя.

Вадик вскочил на дрожащие, почти бессильные ноги и кинулся, не разбирая дороги, к забору. Через клумбы. Через луковую поросль. Через чахлые нарциссы. Падая и зарываясь руками в липкую землю. За спиной он слышал накрывающий, истошный, рвущий лай Цезаря.

– Сорвется! Сорвется! – кричал Филя. – Быстрее!

Вадик с ходу проскользнул в щель. Филя вместе с повизгивающей Лесси уже мчался по колдобистой тропинке подалее от забора. Вадик оглянулся. Его пальто поверженным врагом валялось на бетонной дорожке около Цезаря. Наступив на него передними лапами, собака с остервенением рвала в клочья подкладку. Вадик закрыл лицо грязными, в черной земле, ладонями и зарыдал. Горько, отчаянно, надрывно.

Через два дня, на большой перемене между историей и русским, Филя, широко размахивая руками и разбрызгивая крошки недожеванного бутерброда, убеждал поникшего Вадика:

– Проверенный способ. Не ссы!

– Ты думаешь?

– Полный верняк, – бил себя в грудь Филя. – Каждый день по два кусочка докторской, и опять подружитесь. Закон природы.

Вадик с надеждой посмотрел на него.

– Только, – Филя облизнул все еще жирные после бутерброда губы, – с тебя блок Бурунди. Сам понимаешь, закон

природы.

И шуба норковая в пол

1

После затянувшихся допоздна переговоров в мэрии, традиционной сауны и подписания бумаг я сомневался, что успею на вечер встречи одноклассников. Вот почему попросил Леру, зампреда городской администрации, никому не говорить о моем приезде. Даже Жорику, ее мужу. Хотел быть сюрпризом. Как кирпич на голову. Все-таки пятнадцать лет не виделись.

В фойе школы из репродукторов гремело:

Одноклассники, одноклассницы,

И ровесники, и друзья...

– Когда выпускались? – полюбопытствовала шустрая девчушка-старшеклассница.

Я назвал год. Она пролистала списки, нашла нужный и спросила мою фамилию. Записав, улыбнулась:

– Ваши собираются в кабинете физики. Проводить?

– Что ты, – засмеялся я. – Сам найду.

– Через час – звонок, – сообщила она. – В актовом зале

Николай Николаевич будет всех приветствовать.

– Ник Ник?!

– Ага! – кивнула девчушка.

– Послушай, – я слегка замялся. – А Маргарита Игоревна?

Физичка?

Девчушка наморщила лоб:

– Валерий Львович. Евгения Матвеевна. Галина Васильевна. Нет, Маргариты Игоревны не знаю.

2

Сентябрь. Одиннадцатый класс. Звонок на урок. Нашей физички, как всегда, нет. Девчонки в коричневых платьях и черных фартуках кучкуются хомячками вокруг Лериной парты и шушукуются. Прямо под великими физиками, на которых солнечный зайчик играет в классики. Вот он зацепился за катышек, прилипший к носу Бернулли. Вот скакнул на Фарадея с повисшей на пол-лица тряпкой. Видать, семиклашки веселились. У них тоже урока не было.

Около распахнутого окна мы затягиваемся на спор кубинской «портогасиной». Затяжка – лающий кашель и едкие слезы.

– Говорю, – смеется Жорик, приглаживая пальцем пробившиеся за лето усики, – не сигареты, а смерть фашистам. Следующий!

Это его идея. Все знают, что физичка втихаря шмалит в подсобке. Вот Жорик и нашел у нее в столе сигареты. Делать-то все равно нечего.

– Че там еще было? – спрашивают пацаны. – Гондоны?

– Да ну! – кривится Жорик. – У кого на нее встанет? У Ник Ника?

Жорик – эксперт. Он все лето кадрил москвичку-курортницу и теперь загадочно улыбался, когда разговор заходил

О женщинах.

– Хватит пошлить.

Это Лера, наша отличница. У нее над губой, с левой стороны, родинка. Как у физички. Только у той оттуда волосы растут, а у Леры – маленькая точка, которую хочется поцеловать.

– Кузнецов, – говорит она мне, – ты – староста. Третьей физики нет!

– А тебе что? – отвечает за меня Жорик. – Больше всех надо?

– Мне поступать, – краешек губы Леры, как раз под родинкой, обиженно вздрагивает. – Кузнецов, тебе, между прочим, тоже.

Это правда. Мне поступать в технический университет на АСУ: автоматические системы управления. Конкурс двенадцать человек на место. Физику дерут, как черти.

Дверь шумно распахивается, и в ней появляется тощая задница физички.

– Извините, – говорит училка за дверь, пятясь в класс. – У меня были дела.

– Маргарита Игоревна, – звенит тенорок нашего дирика Ник Ника, – это никуда не годится!

– Простите, – бормочет физичка и закрывает за собой дверь.

Октябрь. Звонок на урок. Физичка возится в подсобке. Через открытую дверь слышно, как она хлопает дверцами

шкафов и шумно выдвигает ящики – сегодня лабораторная – а у нее, как всегда, ничего не готово.

На днях Маргариту Игоревну разбирали на педсовете. Требовали уволить, но Ник Ник заступился. Говорят, они с ней однокашники и он даже ее клеил, пока она не выскочила за комсомольского вожака. Тогда – комсомольского, а теперь – директора Православного банка. Самого большого в городе. Не хухры-мухры. Жорик считает, что дирик поэтому ее и защищает. Такой муж – находка для школы. Только фигня все это, ведь физичка с ним больше не живет. Жорик говорит, что он ее после заграникомандировки «венерой» наградил. Может, специально? Кому с такой клячей жить хочется?

– Ребята, – выползает из подсобки физичка, – нет маятника Максвелла, а электростатический задевался куда-то. В общем...

Лера тяжело вздыхает, захлопывает учебник и смотрит в потолок.

– Не волнуйтесь, Маргарита Игоревна, – успокаивает Жорик. – Бог с ними, с этими магнитами. Да и с лабораторной тоже. В другой раз.

Он лукаво подмигивает мне.

– Зато я вот что нашла, – физичка показывает облезшую, в черных проплешинах трубу на подломленных стойках. – Телескоп. Ножки изолентой подмотаем. Или болтиком прикрутим.

– Прикрутим, – с усмешкой соглашается Жорик и опять подмигивает мне. – И подмотаем, если надо.

– Тогда вечером, – физичка тычет пальцем в небо, – покажу вам Сириус.

Ноябрь. Чернильная ночь. Дождя нет, и небо все в разноцветных точках. Слева – Сириус. Справа от него созвездие Ориона. Еще правее – комета Хейла-Боппа.

Я открываю окно подсобки. Застывшими пальцами отдираю от рамы холодную кругляшку шпингалета. Лера стоит за спиной. Я чувствую, как она снисходительно улыбается. Я дергаю кругляшку вверх, но затвор, точно врос, никак не хочет поддаваться. Дергаю еще раз. И еще.

«Ну, открывайся! – шепчу я, раскачивая упрямую железку занемевшими пальцами. – Открывайся!»

Декабрь. У нас четвертная контрольная. Лера и я написали первыми. Мы вместе ходим на подготовительные курсы в университет. После курсов я провожаю ее домой и вчера наконец поцеловал родинку над верхней губой. Первый раз.

В классе тишина.

– Следующий, – шепчет Жорик, передавая мою тетрадку по ряду. Соседний списывает у Леры.

Физичка, подперев дряблую щеку ладонью, мерно посапывает за столом. Иногда во сне она громко вздыхает, и тогда класс замирает, прислушиваясь к ее причмокиванию и глядя, как она поудобнее устраивает щеку на ладони.

До звонка мы тихонько, чтобы не разбудить, поднимаемся

и, положив тетрадки на стол, бесшумно уходим из класса.

Январь. В школе холодно. Не топят. Мы у физички в подсобке. Свет выключен. В открытое окно торчит телескоп. К нему целая очередь. Физичка показывает кольца Сатурна.

Мы с Лерой забились в угол. Она дрожит, и я беру ее руку, тонкую, точно вырезанную из бумаги. Осторожно склоняюсь и дотрагиваюсь до нее, пахнувшей ландышевым мылом, губами. Отогреваю дыханием. Сначала ладонь. Потом пальцы. Один за другим. Лера свободной рукой гладит мне волосы, робко и нежно, как никогда и никто не гладил до этого.

Февраль. Звонок на урок. Топот ног, хлопанье дверей, цоканье учительских каблучков. А потом – тишина. Вязкая. Необычная.

Я спокойно докуриваю у окна в туалете. Знаю, что физичка еще не пришла. На перемене к ней забежал Ник Ник и сообщил, что во дворе ее ждет муж.

– Коля, – ответила она, – пусть идет на хер.

Так и сказала: «Коля... на хер».

– Ты с ума сошла, – закудахтал дирик. – Я без сметы работаю. Кто за ремонт заплатит?

– Хорошо, – ответила она. – Выпить хочешь?

– Да ты совсем спятила! На тебя жалуются. Родители телегу накатали. Из РОНО звонили...

– Ну, как хочешь.

В окно хлопает южная зима. Я затягиваюсь горьковатым дымком и смотрю на миндалевые деревья, мокрые, с за-

мысловато раскоряченными, будто на японских гравюрах, ветками. Смотрю на школьный двор с мутными лужами, в которых отражается раскисшее небо. На выкрашенный корабельной краской рукоход. На баскетбольную площадку со сломанным щитом. Все кажется беспросветно холодным, и только «ню-йоркер», длинный, приземисто-широкий, на колесах без единой грязинки, разбавляет эту беспросветность. От его золотисто тонированных стекол, мягких обводов и блестящих шилдиков исходит теплое сияние. Вспоминается песенка, которую каждое утро я слышу по «Маяку»:

Над белым городом я вижу лунный свет золотой,

Я слышу шепот перламутровых волн.

Цветут пунцовые кораллы, спит жемчужный прибой.

Город счастья – давний мой сон.

Танцует море в стиле румба-pasadores.

В такт ему шуришит песок.

Мой смуглый мальчик, снова слышу я твой голос —

Ветер мне его несет.

Парамарибо, Парамарибо, Парамарибо...²

Физичка выходит во двор. Тошая, в красной кофте с вытянутыми карманами, она подходит к «ню-йоркеру» и пинает его ногой.

Из машины вылезает муж. Поправляет седеющие на висках волосы и что-то ей говорит. Потом крутит пальцем у вис-

---

² Песня «Парамарибо» группы «Квартал».

ка, тычет золотой печаткой в грязные подтеки на школьной стене, показывает на лакированный бок машины и кого-то манит оттуда.

Физичка обхватывает себя руками за плечи, словно ее знобит. Сутулится. Смотрит в сторону.

Телохранитель подает шубу, длинную, с переливающимся волнистым мехом. Я видел такую в витрине. «Цвет – виски, шкурки не тонированные, размер – 44—46. Станьте обладателем единственного в городе эталона мехового стиля!»

Муж набрасывает шубу физичке на плечи и закутывает ее, точно ребенка. Мех мягко струится до самой земли. Я думаю, училки, подглядывающие в окна, просто умирают от зависти.

Муж делает шаг назад и, склонив голову набок, довольно ухмыляется. Из жестяной коробочки достает сигариллу, коричневую, в костяном мундштуке, и нюхает ее. Телохранитель подносит зажигалку. Муж выпускает струйку дыма и кивает физичке на открытую дверь «ню-йоркера». Но она расправляет крыльями руки, и шуба, цвета виски, шелкови-сто-игривая, падает на мокрый асфальт. Муж на секунду застывает, а затем наотмашь бьет физичку по лицу.

Наваливается разбухшее от влаги небо, и первые капли плюхаются на ржавый подоконник.

Физичка, нелепо поджав под себя ногу, сидит на сыром асфальте. Подол платья высоко задрался. Из прорванного чулка вылезла ободранная коленка. Маргарита Игоревна смот-

рит вслед уплывающему «ню-йоркеру» и обтирает кровь с разбитых губ. Потом сует руку в отвислый карман кофты, достает блестящую фляжку и подносит к губам.

3

– Ну, все, – сказал Жорик, оторвав от уха мобильник и еще раз глянув на свой Rolex. – Начинаем.

Он бросил мне ключи от подсобки и скомандовал:

– Кузя, тащи шампустик.

– Ура! – радостно подхватили остальные. – Давно пора! Семеро одного не ждут!

– А где музон? – спросил я перед тем, как войти в темную подсобку. – Наш старый «Квартал»?

– Щас колонки подсоединю, – сказал Жорик. – Айн момент.

– Бениссимо!

Под ногой пискнула половица, и я остановился, замер. С улицы тек холодный свет фонаря. В то же самое окно. В той же самой деревянной раме. Я подошел ближе. Попробовал шпингалеты. Тугие, краской закрашены. Глянул в ночное небо. Слева мерцал Сириус.

Синие тени от окна наискось падали на письменный стол со стопками тетрадей и... Дыхание зачастило. Нет, не может быть! Сбоку от стола, уткнувшись в потолок, темнел телескоп.

– Кузя, – окликнули меня из класса, – ты где запропастился?

– Иду!

Я мотнул головой, сбрасывая наваждение. Подошел поближе. Так и есть, обозначился в потемках: между столом и стеной торчали свернутые в рулон плакаты.

– Кузнецов! – опять услышал я из класса и подхватил ящик с шампанским.

В дальнем углу Жорик возился с японской магнитолой. Он ради такого случая приволок ее из дома. Я отдал ящик и крикнул через весь класс:

– Жорик! Поставь мою любимую.

«Бах! Бах! Бах!» – засалютовали в потолок пробки.

– Ура! За встречу! – потянулись со всех сторон бокалы.

В этот момент хрипло крякнула дверь и на пороге показалась Лера. Раскрасневшаяся. С блестящими глазами. В шубе нараспашку. Длинной. В пол. Из белой скандинавской норки. С английским воротником, легким клешем книзу и разрезами по бокам.

– Ура! – замахали ей руками.

– Простите, ребята. Мэр всех замов задержал.

Леру обступили подружки:

– Вау! Шик! Маркони? Фуррома? Бьянко? Откуда?

Она лукаво улыбнулась и, нарушая все наши договоренности, широким жестом повела в мою сторону:

– Всем представляю синьора Кузнецова.

Одноклассники обернулись ко мне.

– Хозяин салона «Парамарибо: Эталон мехового стиля», –

торжественным голосом продекларировала она, – и официальный дистрибьютор шуб от Мио Оро Бьянко у нас в городе.

– Во даешь! – захолопали мне по спине мужики. – Круто! Знай наших!

– Хитрец, – заулыбались дамы. – Простачком прикинулся.

– Что за шум, а драки нет! – отозвался из дальнего угла Жорик, все еще возившийся с магнитофоном. – Где мое шампанское?

Он нажал наконец кнопку Play. В колонках зашипело, и забытым голосом запела солистка «Квартала»:

Над белым городом я вижу лунный свет золотой,

Я слышу шепот перламутровых волн.

Цветут пунцовые кораллы, спит жемчужный прибой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.